

The background of the cover is a dramatic painting of a stormy sea. The water is dark and turbulent, with large, curling waves. In the lower center, a small, crowded boat is struggling against the waves. A lone swimmer is visible in the water to the left of the boat. The overall color palette is dominated by dark blues, teals, and blacks, creating a sense of danger and intensity.

Татьяна Шевченко

Жизни и реальности Сальваторе

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Татьяна Шевченко
Жизни и реальности
Сальваторе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43655611

SelfPub; 2019

Аннотация

Раз.Два.Три.Четыре.Пять.(Шесть?..)Я иду тебя тебя искать!В этой книге совершенно неясно, кто есть кто. Ты не можешь быть уверенным даже в себе самом.Содержит нецензурную брань.

Содержание

1		4
	1. Слух	4
	1. Вкус	9
	1. Обоняние	12
	1. Осязание	18
	1. Зрение	30
	Интермедиа 1	34
2		38
	2. Зелёный	38
	2. Красный	43
	2. Фиолетовый	52
	2. Жёлтый	57
	2. Синий	64
	Интермедиа 2	72
3		74
	3. Вода	74
	3. Квинтэссенция	81
	Конец ознакомительного фрагмента.	84

1

1. Слух

Мамма мия! Глянул на верх лестницы и девку бородатую узрел: идёт в накидке, какие чернявки порядочные носят; маленькая, хрупкая, а из-под капюшона бородачица до пупа торчит!

Пригляделся – тьфу, пропасть: не борода это, а волосы длинные, в косу не собранные. Не зря велят девкам распущенными не ходить! Привидится эдакое чудо, вовек не открестишься. Вот так, да: сама-то безобидная, мимо прошла и даже не взгляд не кинула, а образ не таков: за тобой пойдёт, ночью явится, когда душа беспомощнее младенца, зыркнет да голосом своим стены сотрясёт – yaya¹! Образы – они порой опаснее, чем люди, так-то, это вам Чичо не даст соврать.

Бальтасар, а попросту – Балда, отвлёкся от своей ненаглядной ссссс... крыпки и воззрился туда же, куда и я. Эх, девка уже мимо прошла да со спины только и виднелась – а увидел бы товар лицом, то-то мурлыканьем и поперхнулся бы. А нынче он лишь почесал широкую, что твой ламанш, переносицу да спросил:

¹ Ух ты (исп)

– Что, Чича, смотришь? Гарпию увидел?

– Мамка твоя, – сказал я, – Чича, а я Чичо.

– А чего это тогда я Балда?

Сколько времени прошло, а всё он притерпеться не может. Балда и есть.

– Потому что почётно. «Притчу о Попе и работнике его Балде» читал?

Бальтасар покачал пшеничной головой, вздохнул глубоко, шурясь чуду волосатому вслед. Зря старался: девка уже под землю спустилась, не разглядеть.

Да. Все менестрели как менестрели – по площадям бродят, по ярмаркам да кабакам, – а мы вот, около входа в подземелье. На самой лестнице, проводники в мир иной, так сказать. Места больше нет в городе, отовсюду гонят, осталось что? Узкие улочки да катакомбы. Нет, оно, конечно, можно было бы и под землю углубиться, но кто у нас в вечную тьму стремится? Либо фанатики, что костям тлеющим-скалящимся поклоняются, либо сами знаете кто. И последние часто трапезничают первыми, а те всё равно идут: вера пуще неволи. Что тем, что другим музыка что третья губа. Впрочем, поговаривают, что есть люди, которые ходят через подземелье просто так – удобнее мол добираться, – но я в подобную чушь не верю. Лучше по улицам петлять, рискуя стать мишенью для помоев, чем пищей оказаться.

Хотя – кидают монеты, кидают, да, это Чичо не соврёт. Чичо сам удивляется.

Удивляется, и места своего в жизни не отдаст, так-то.

– Так это выходит, – пораскинув мозгами, начал Балда, – что ты Поп? Попо... попос... попадапулос...

И начал слово так и сяк вертеть, в зубы ему заглядывать, по бокам стучать да прислушиваться. Музыканты с поэтами – все они такие, балды и есть.

– Ну, ну, хватит, – наконец, оборвал его я. – А ежели продолжишь, поступлю с тобой как поп... другой, из песенки про собаку. Которая мясо съела. Закончил инструмент терзать?

– Нет ещё, – Бальтасар востепенулся и продолжил колки крутить да из струн плач извлекать. Любит он это дело; у меня инструмент всегда в порядке, я это и так знаю, как про руку вот или палец на ноге. Конечно, у него **violino**, у меня гитара, это вещи разные, как Италия и Испания, но суть не в этом.

Играет Бальтасар, конечно, не в пример богато. На слёзы может пробить, и на смех, так что и мертвеца вынудит монетку кинуть. Я лишь бренчу, как чувствую. Но! Ежели молодому таланту направление не давать (когда наставлением, а когда и пинком добродушным), цена ему будет – un ojomorado² под глазом.

– Облака сегодня вон какие дождём обпившиеся, скоро начнут тошнить, – я кивнул на небо, где и впрямь облака чиркали животами по выглядывавшим из-за крыш шпилям

² Фингал (исп)

Санта-Мариин-Нашенте, белой и прыгающей, что твоя невеста перед тем, как её выведут к жениху. – Пасмурно, нечисть ходит. Ты б поторопился.

– Да что их бояться! Дождя надо бояться, инструмент испортит, а мертвяки чего... колом их, да и всё дело.

Вот, пожалста! А я что говорил? Молодой талант прямо-таки взывает к дружескому пинку. Кой я и исполнил. Бальтасар потёр зад и заныл, что я его совершенно не уважаю, и никого не уважаю, и сам я дурак, и не собирался он под землю лезть, так, в шутку сказал, а я слишком серьёзный. Пара человек тут подле нас остановились и ну хохотать! Потеха – два шута дерутся!

– Чичо, за что вы его на этот раз? Опять замечтался о джунглях и диких попугаях?

– За дело – да под зад, – отвечал я, и рядом остановились ещё несколько граждан. Захихикали:

– За дело! За дело!

– За дело задело, стекло да и спело, – под взрыв смеха я поклонился. – Будьте добры проваливать! Нам распеваться надо.

– А вы и распевайтесь, кто вам мешает? – в тон мне отвечали из толпы; я покривлялся для приличия, а затем схватил свою ненаглядную пятиголосую и запел:

*In taberna quando sumus,
non curamus, quid sit humus,*

*sed ad ludum properamus,
cui semper insudamus.*³

Не вставая с земли, Бальтасар подхватил мелодию своей плаксой-скрипкой, вдруг платьем взмахнувшей да в пляс пустившейся. Эх, такими дев бы в танец увлекать, вон как ту, что мимо плывёт: волны волос в поток косы вплетены, брови разлетаются птичьими крыльями, осколочки света в глазах несёт, а кожа солнцем поцелованная. Мельком мне улыбается: «Правильно, Чичо. Все там, под землёй, будем. Спой в путь весёлую»

– Дурак застольную поёт! – веселятся люди живые и мёртвые, подле нас останавливаясь. Я продолжаю:

*quid agatur in taberna,
ubi nummus est pincerna,
hoc est opus, ut queratur,
sed quid loquar, audiatur.*

Бальтасар сохраняет лицо, а у самого скрипка поёт да взвизгивает в восторге. Вечер полнится смешками, улыбками, люд честной да не очень замедляет шаг. Ай и вовсе пускается в пляс, а мы что? Балда да Чичо – вот и весь сказ. Не забудьте звонкую монету!

Muchas gracias!

³ одна из самых известных средневековых застольных песен на латинском языке, была написана около 1160 года.

1. Вкус

Жил-был Рыцарь. Много славных подвигов совершил он на своём веку, но однажды понял, что устал, и решил на уйти на покой. Взял коня, взял узелок, с которым все дороги в царстве исходил, меч верный повязал на пояс да и отправился в путь.

Долго ли, коротко ли ехал, да вдруг конь добрый встал посреди дороги. Как ни уговаривал рыцарь, как ни грозил – не идёт дальше.

Спросил его рыцарь:

– Лес да лес вокруг, друг мой. Что же ты тревожишься?

Не ответил конь, лишь заржал печально.

Спешился Рыцарь, привязал его к дубу и отправился поглядеть, что же напугало друга боевого. Поворот миновал, смотрит – а там, впереди, лес выжжен и дым стоит столбом. Тени в нависшем небе мелькают крылатые, сквозь шум да треск голос слабый кричит:

– Спасите! Дракон!

Выватил Рыцарь меч и бросился сломя голову в дым да гарь. Увидел он разрушенный замок, камни по округе разлётанные, и Принцессу, что пряталась среди обломков.

– Не бойся меня, – сказал Рыцарь Принцессе, – я спасу тебя.

Послушала Принцесса Рыцаря, вылезла на белый свет.

Только побежали они прочь, – как закричал змей крылатый! Затряслась от страха мать сыра земля, попадали деревья обгоревшие, камни запрыгали как лягушки! Не устояли на ногах Рыцарь с Принцессой, грянулись оземь. Кричит дева:

– Спаси меня, Рыцарь! Вот он, чудовище!

Поднялся Рыцарь и увидел, что Дракон летит на них: глаза злые, красные, из пасти огонь рвётся, стволы в труху превращая, камни черня. Рыцарь пригнулся, уворачиваясь от пламени, и как змей над ним низко-низко оказался, выпрыгнул вверх! Мечом змея поганого по шее рубанул, да вскользь прошёл клинок. Заскрежетала надломанная чешуя, вновь закричал дракон, ударил хвостом – отлетел Рыцарь да о камень ударился. Опустилась рядом с ним вторая тень; приготовился молодец к бою, но сказала она:

– Не губи! Сама с драконом борюсь.

Посмотрел на неё Рыцарь и увидел деву, да не простую, а с крыльями, и каждое перо в тех крылах было из стали. Красавица была та дева: волосы – что волна морская, брови – что птичий полёт, а в глазу осколочек света, такой, от которого образуется осколок в сердце.

По нраву пришлась дева Рыцарю. Сказал он:

– Не погублю, коли поможешь с драконом совладать.

На том и сговорились. Взлетела дева, каждым пером-кинжалом воздух разрезая, и закричала что-то дракону. Он взревел, чуть не уронил небо на землю, и за нею погнался! Вот-вот съест!

Низко-низко над землёй пролетела дева и в обломках замка спряталась. Дракон следом за ней было ринулся, огнём вперёд себя землю поливая. Рыцарь скрылся за камнем, а как змей мимо пролетал, мечом ударил – прямо туда, где в первый раз чешую змею надломил. Заскрежетали доспехи драконьи. Грянулся змей оземь, блестящую кожу кровью и грязью покрывая. Встал над ним Рыцарь, поднял меч, чтобы убить Дракона.

И вдруг увидел, как по щекам змеиным стекли две слезы.

Рыдая, спросил Дракон Рыцаря:

– За что убить хотите, вору-ироде? За дочь мою пришли? Так не отдам я её!

1. Обоняние

5 января 83 года пути.

Я открыл глаза.

Некоторое время я, конечно, смотрел во тьму каюты. Рядом радостно пиликал будильник; я не ставил на него человеческих голосов и всякого такого, чтобы давать мозгу поменьше пищи для кошмаров, но помогало слабо, ну а если честно – никак.

Я нажал на кнопку, отсчитал пять секунд и отпустил. Будильник стих; я нащупал баночку с ароматизатором и вдохнул – запах мяты и яблока заставил глаза открыться. Точнее, глаз – правый после вчерашнего заплыл.

Я дотянулся до сенсора и, помедлив, включил свет. Выбрался из спальной капсулы.

– С добрым утром, – сказал себе я.

* * *

– Что это у тебя? – спросила Эн. Её тщательно выщипанные брови взлетели к линии волос. Она немедленно потянулась потрогать мой фингал – для таких людей, как она, естественно желание дотронуться до всего, что они видят, – но я знал эту её особенность и мгновенно отодвинулся:

– Эн, руки.

– Так болит? Как ты умудрился?

– Упал.

– Все вы падаете, – она поморщилась и повернулась к загоревшемуся на экране рабочему столу индивидуальной ИИ. От Эн дохнуло тревогой, и это был острый запах, напоминающий запах валидола. – В медпункте был?

– Ага, опять свалиться от тамошних запахов? И вообще я не для того пришёл.

– Для чего? – в голосе Эн, конечно, мелькнуло раздражение.

– Уж не отбирать твою занудную работу...

– Молчал бы.

– Извини, – после паузы произнёс я. – Ты химию любишь, а я...

– А у тебя природные способности. Говори, зачем пришёл, – Эн не оборачивалась, и я уже по-настоящему пожалел, что нагрубил ей.

– Там тебя вызывали. Снова что-то с пищевыми водорослями.

– После этого идиота Индиго у нас всегда «что-то с водорослями». Ты не заметил?

– Вряд ли дело в Индиго. У него же биология на «отлично», помнишь? Проекты у него хорошие. Скорее, дело в том, что мы вышли в зону неизведанного открытого космоса. Флуктуации, странные выбросы, излучение... и всякое такое. Может, пора обследовать экипаж утром и вечером?

– Давай я это обсужу со специалистами? – она раздражённо хлопнула по кнопке. Экран ИИ погас. Вдруг Эн оглянулась на меня как-то робко, даже застенчиво: – А что... действительно зарегистрировали выбросы?

– Было дело. Я сильно не вникал. Ты знаешь, моё дело маленькое: улепетывать вместе с кораблём от эпицентра.

– Я всё равно поставлю вопрос о профессионализме Индиго, – заявила Эн, слезая с высокого стула. Кто-то когда-то сказал, что отсутствие опоры под ступнями при сидении полезно, и никто до сих пор не удосужился это утверждение проверить. Эн взяла меня под руку, и я сморщился на мгновение. – У тебя рука дёрнулась. Где ты так упал?

– В грузовом. С верхнего стеллажа. А потом ещё ящик упал на меня, ну и всякое такое.

Вот знает дед, кого посылать к Эн. Кого другого она отправила бы подальше: «заниматься своим делом», как она это говорит. Со мной же прошла по вившемуся спиралью коридору до питомника и, остановившись в дверях, покачала головой:

– Не будь идиотом хоть ты. Кто сильный и ответственный старший брат?

– Я.

– Ну так будь сильным до конца и иди в медпункт!

Я покивал, – она успокоилась и наконец исчезла в кабинете – но, конечно, не пошёл. Начиналось моё дежурство, а задержка была чревата. У нас с Иккетно и так в последние па-

ру лет натянутейшие отношения, и уж такой повод для скандала, как превышение времени работы пилота, они точно не упустят. А это, в свою очередь, скажется на нашем полёте и нашей миссии.

Нет, я не спорю, за восемьдесят три года в открытом космосе всякое такое бывало. Я сам все эти отчёты видел. Трагичнейшее видео записали в июне тридцатого... до самой смерти эту картину сохраню в памяти: там моя пра-прабабка, вся в кровянице и с синяком на пол-лица, докладывала, что сын капитана сошёл с ума и перерезал пол-экипажа, но его самого ликвидировали. Вроде бы это просто слова, и отчёт канцелярный, сухой, а страшнее ужастиков. Особенно тогда, когда начинаешь понимать: как мало условий нужно для гибели человека в несущейся сквозь звёзды рукотворной коробке. Или ещё была трагедия пятьдесят пятого: дети стали рождаться уродами. Даже фотографии к отчёту прикладывали, их я тоже видел. Но разгадка оказалась проста и даже примитивна: чем ближе к центру галактики, тем выше радиационный фон. Увы, к сожалению экипажа, учёные на Земле не предугадали, насколько сильным окажется излучение.

В итоге нас осталось две семьи: Иккетно и Ителлутак.

Давненько на нашем корабле патовых ситуаций не было. Вот от безделья и грызутся, едят поездом – или как это правильно говорится? Космические феномены не в счёт подобных происшествий – в конце концов, для корректировки проложенного компьютером курса и нужны на корабле це-

лых четыре пилота.

Ныне я вызвал лифт и спустился в рубку. Едва я перешагнул порог, как Старр воскликнул:

– Наконец-то!

Он поднялся на ноги, оглянулся на меня, стараясь улыбаться приветливо. Но в эту секунду до меня добралась *вонь*. В ушах зашумело, фингал заболел, мышцы глаза задёргались. Сощурившись, словно смотрел сквозь дым, я одним прыжком добрался до панели управления кондиционером, нашарил его на стене и включил его на полную мощность.

Стало чуть легче.

– Хочешь сказать, он пахнет? – ошеломлённо спросил Старр. – То есть, ужасно пахнет?

Я искоса глянул на него. Обычный серый комбинезон был украшен какими-то совершенно детскими вышивками, изображавшими звездолёты и планеты, отчего рабочая одежда стала похожей на пижаму. Волосы, лоснившиеся от обилия геля, он тщательно убрал назад. Предположительно – на свидание намылился.

– Иди и убери этот запах, если не хочешь, чтобы твоя барышня сбежала на другой конец корабля. Конечно, если это не Джоанна. Джоанне хоть что, у неё насморк пожизненно...

– Это не Джоанна!

– Ладно уж, храни свои секреты, – я выжал из себя улыбку. Скорее бы этот дятел вышел. И где только вонялово откопал? Неужто сам синтезировал? Корабельная ИИ всякого

такого не делает...

Старр не уходил. Он нерешительно поднялся, оглянулся на экраны и перевёл взгляд на меня; потупился.

– У тебя что-то на лице. Сходи в медпункт, а я...

– Давай ещё учить меня, – огрызнулся я. – Я в порядке.

Иди производи впечатление на свою пассию... побыстрее.

Старр двинулся вдоль одной стены, а я пополз по противоположной. Запах усиливался, у пульта став едким. Мой незаплывший глаз сощурился.

Перед тем, как, видимо, окончательно исчезнуть из помещения, Старр опомнился и крикнул традиционное: «Тихого неба!»

Вместо ответа я буркнул нечто невнятное. У меня сжимало горло и слезились глаза.

Кое-как я добрался до кресла. Начал садиться в него – но всё никак не мог сесть, проваливаясь всё глубже, глубже, глубже во тьму.

1. Осязание

– ...поступил сегодня, – Матео взъерошил шевелюру. – Потерял сознание прямо на улице, ударился головой... – он обратился к лежавшему на койке безликому мужчине: – Ну и сюрприз тебя ждёт, тио, как мы тебя вытащим...

Мастер усмехнулся.

– Не сглазь.

– Ты теперь веришь в эту чушь, Нуэстро? – Матео закатил глаза. – О всемилостливые и достопочтенные боги, за что я с тобой связался... тио, тио, не шалаш ставишь, дьявол тебя в зубы! – он подскочил и замахал руками на Закройщика с Иглой. Игла, вопреки прозвищу низенький и толстый, огрызнулся:

– Без тебя не разберёмся.

– Два года с техникой работаем, – поддержал его молодой Закройщик. Уж он-то точно работал меньше. Матео ответил руганью, обличая вруна.

Мастер вздохнул и отвернулся. Он услышал, как Игла, дождавшись конца словесного потока, спросил:

– Я думал, сегодня дежурит вторая бригада.

– А они не берутся, говорят, случай сложный... – Матео выругался ещё раз.

Наконец, металлическая арка была установлена. Игла соединил её проводами с висками безликого мужчины; аккумуля

ратно обрил пациенту небольшой участок кожи на затылке, прикрепил датчики и туда. Затем подключил провода и арку с тремя компьютерами. Закройщик вколол пациенту снотворное.

– Первый готов, – сказал Игла, открывая ноутбук. – Система подключена.

– Второй готов, – произнёс Закройщик, повторяя её движение со своим компьютером. – Связь установлена. Проверка!

Мастер дунул в прикреплённый к наушникам микрофон. Матео показал большой палец:

– Связь есть.

– Включаем, – Мастер переключил тумблер на арке; по периметру её зажглись красные лампочки. Закройщик словно загипнотизированный смотрел, как внутри неё возникает и раскрывается, заполняя ограниченное железкой пространство, бутон темноты. Матео прикрикнул на Закройщика, чтобы следил за состоянием систем. Мастер мысленно усмехнулся: всё равно ведь будет смотреть, как в первый раз, сколько на него не кричи. Завораживает парня зрелище; сам хотел бы туда.

Увы: непригоден.

Кинув на Мастера косой взгляд, Закройщик отвернулся к экрану. Оператор тут же забыл об ассистенте; он несколько раз глубоко вздохнул, готовясь к нырку. «В путь», – сказал себе он и перешагнул порог.

В начале была темнота, и ничего, кроме тьмы, и лишь Мастер шагал в ней.

Затем во тьме возникли синие и жёлтые контуры треугольников; Мастер протянул к ним руки, но фигуры упорхнули. Звук льющейся воды пронизал пространство, отмеряя время; впереди расцвели круги. Побежал слева направо верблюд, из пустоты под ногами полезли кактусы и медузы; во тьме возник крылатый змей и спикировал на Мастера, широко разинув рот. На автомате Мастер закрылся рукой; змей пролетел насквозь.

– Его сознание крайне нестабильно, – сказал Мастер, продолжая шагать. – Много помех. Движение невозможно. Скажи Игле, пусть успокоит.

– Понял. Подключаем содержание твоего сознания.

Еще десять секунд во тьме цвели гигантские кактусы и медузы; затем всё растаяло.

Мастер ступил на горячий песок. Вокруг простиралась пустыня; волнами вздымались костлявые дюны с видневшимися в их телах рёбрами. Верблюд, не заметив подмены, продолжал бежать, ставя на листе пустыни бесконечные точки. Небо обрело цвет: серый.

Тишина.

Мастер остановился и огляделся. С севера к нему двигались худые детские фигурки – штук десять. Они то выпрямлялись, то причудливо изгибались, напоминая зверьков или первобытных богов; и, кажется, пели песню. Мастер вслу-

шался.

Слова полузабытого им языка твердили: «Глянь вниз и покачай головой, глянь вниз и покачай головой, спустись и потряси ногой, спустись и потряси ногой, спрыгни к нам и подними мёртвых, спрыгни к нам и подними их, о Бог!».

Фигурки подошли ближе. Они танцевали, то растопырявая локти, то горбясь, то выпрямляясь, и делали всё это почти синхронно – как делали бы обычные мальчишки, придумавшие смешной танец и не в первый раз его исполнявшие. Вдруг они остановились; мелкий, кудрявый и без двух передних зубов мальчишка спросил:

– Ты пришёл, чтобы поднять мёртвых и устроить судный день?

– Иди к дьяволу, – улыбнулся Мастер.

– Иди в задницу дьявола! – воскликнул мелкий мальчишка, и остальные торжествующе загоготали. Другой, долговязый, услужливо указал на запад:

– Это туда.

Матео в наушниках хмыкнул и проворчал что-то одобрителное. Мастер кивнул («Туда, значит») и, выйдя из круга мальчишек, зашагал дальше.

Вскоре бескрайний песок сжался до размеров узенькой тропинки под ногами Мастера; с обеих сторон её теснила густая высокая трава, бесшумно ронявшая на плечи странника жёлтую пыльцу. Мастера закрыла тень; подняв голову, он увидел большую белую птицу.

– Наблюдает, – хмыкнул Матео: он обязан был смотреть за происходящим одновременно на мониторах Иглы и Закройщика, а также за своим, где транслировалась картинка из глаз Мастера. – Осторожный.

– Странно. Я думал, что у него отказали защитные механизмы.

– Как бы этот тио нам сюрприз не преподнёс... – Матео отдалился от микрофона, но Мастер всё равно услышал, как он командует Закройщику: – Введи ещё снотворного, он оказался крепче... ага.

Так, в тени птицы, Мастер дошёл до развилки. Здесь белый спутник с криком взвился вверх и исчез из глаз.

– Именно тогда, когда ты мне был нужен, – укорил пациента Мастер.

– Что? – отозвался Матео.

– Ничего.

Мастер огляделся в поисках направляющих. Около одной из дорог, почти теряясь на фоне высокой травы, стояла высокая, в полтора человеческих роста, зелёная фигура; лицо её было закрыто, а из головы наподобие солнечных лучей торчали длинные перья. Длинное тело покрывали знаки цвета охры; по обе стороны бородатой маски зависли два розовых колибри.

У Мастера сжались кулаки.

– Кетцалькоатль, – сказал Матео.

– Это моё или его?

– Не видно. Мониторы не показывают. Агуха выясняет, – голос Матео был серьёзен. Агухой он называл Иглу. – Нуэстро, не подходи. Дьявол его знает, откуда он: из твоего, из его или...

– ...или сам по себе, – закончил Мастер. В наушниках вместо привычного «О боги!» царила тишина. – Время идёт. В конце концов, откуда он ни взялся, он может помочь.

– Нуэстро, мать твою!

Мастер уже шагал к Кетцалькоатлю. Глаза за маской не отпускали его.

Подойдя к богу, мужчина поклонился.

– Пусть процветают твои владения, – сказал Мастер. – А жертвы всегда будут соразмерны.

Маска – впрочем, теперь Мастер видел, что это вовсе не маска, а лицо, – не дрогнула. Колибри продолжали парить у ушей бога, напоминая два крошечных огонька.

– Нуэстро, это он. Сам, – в голосе Матео звучала растерянность. – Может, ну его, а?

– Как здоровье моего учителя? – спросил Мастер, поклонившись ещё раз.

Бог молчал.

Зачем пришёл на стык двух сознаний? О чём думает эта древняя пернатая голова? Был ли он здесь всегда, или пришёл лишь на жатву смерти?

Матео думал ровно о том же.

– Нуэстро, иди от него. Кто знает, зачем пришёл. Живут

без материального носителя, и дьявол его знает, что они такое и что у них в головах.

Бог молчал. Мастер ещё раз поклонился ему и сделал шаг в сторону, когда услышал:

– Не ходи.

Тугая петля обвилась вокруг ноги Мастера и дёрнула назад. Он смог сохранить равновесие и обернулся к богу. Кетцалькоатль смотрел прямо на него.

– Почему?

Молчание.

– Если я не пойду, пострадает человек. Я прокладываю сюда, в глубины души, путь, чтобы помочь. Это моя работа. Я не откажусь, если не пойму, почему.

Кетцалькоатль, казалось, удерживал его своим взглядом. Затем так же молча выгнул руку – она казалась совсем бескостной, резиновой – и указал на другую тропу.

Мастер поблагодарил его и зашагал дальше.

– Вот так, тио, да ты уговорил бога! – голос Матео затрещал в ушах. – Зомби буду, если это не значит успех!

Мастер хмыкнул.

– Зомби из тебя не очень-то получился бы.

– Не очень-то и хотелось, – в тон ответил Матео.

Мастер шагал по тропинке.

Долго ничего не происходило; только трава опускала жёлтые венчики, посыпая мастера пылью. Вскоре из зелёного моря справа вынырнула птица; издав вопль, она помчалась

вперёд, но быстро потеряла высоту и снова пропала в траве.

Мастер увидел деревянное здание – ближайшей аналогией ему был бы сарай без крыши, – и поспешил вовнутрь.

Внутри здание оказалось каменным; стены покрывал мох, а посреди пола тёк ручей. Мастер сделал ещё один шаг – и стены разлетелись, по ширине напомнив мужчине стадион. Из земли, покрывшей пол, появились трава, деревца и кусты. У дальней стены, за ручьём, возникли ступеньки и алтарь. На алтаре лежал безликий пациент; на нависшей над ним стене на корточках сидел Кетцалькоатль. Он изменился – кожа стала белой, – но Мастер безошибочно узнал его. Ветер чуть прикасался к перьям бога, качая их; на нём была жёлтая нагрудная пластина в виде большой раковины, на бедренной повязка, а на голове – высокая пятнистая шапка.

Бог смотрел прямо на Мастера.

– Я нашёл его, – произнёс тот, надеясь, что Матео его слышит. – Здесь всё ещё нестабильно. Парень совсем плох. При нём Кетцалькоатль.

– Агуха говорит, что если ещё раз запустит процесс стабилизации, расхерачит все мозги этому тио.

Мастер кивнул:

– Так и думал. Попробую справиться в этих рамках.

Мастер сделал шаг к ручью.

– Камень справа!

Мастер уклонился – снаряд замедлился, почти завис в воздухе, – и перехватил камень в воздухе. С тревогой огля-

делся в поисках бросавшего. Пациент лежал на алтаре, но...

– Спит?

– Как сурок, – заверил его Матео.

Ну да, подумал Мастер. Перестраховался. Если бы этот парень проснулся, одним камнем дело бы не обошлось. Когда в последний раз пациенту ввели недостаточное количество снотворного, оператора погребло под бредом испуганного сознания, пытавшегося избавиться от постороннего вмешательства. Матео называл это идиотией, но факт оставался фактом: пробуждение могло стоить жизни.

Мастер подошёл к ручью и, разбежавшись, перепрыгнул через него. Уже в полёте ему в руку вонзилась ярко оперённая стрела; он упал, перекатившись через плечо. Из кустов выскочили существа, до пояса напоминавшие саламандр. Две части разных видов были соединены чисто технически: огромные головы и крохотные верхние лапки выглядели непропорциональными по отношению к длинным человеческим ногам кофейного цвета. Потрясая копьями, существа ринулись на Мастера. Что-то на миг смутило его – что-то неправильное – но раздумывать было некогда. Он проговорил команду для Иглы – и в руках материализовалась нагината.

– Как там? Ты далеко зашёл, у нас плохо видно.

– Терпимо, – ответил Мастер, лениво отмахиваясь от саламандр. Их было штук семь и они оказались бы хороши против любого случайного вторженца: задавили бы силой.

Но, как все защитные механизмы спящего мозга, умом не отличались и сильно мешали друг другу. Опытный Мастер вяло погонял их вокруг алтаря, затем начал теснить к ручью – заходя в него, они со звуком открываемого шампанского превращались в пену, – но в этот момент краем глаза увидел, как ещё одна тень перемахнула через ручей. На автомате он преградил тени дорогу мечом, но та вдруг, вместо того чтобы ринуться прямо на острие, расценивая его как врага, перемахнул через него и устремился к алтарю. В его руке сверкнул нож.

Кетцалькоатль, сидевший на стене, не сводил глаз с Мастера.

– Бай-я, – только и сказал Матео.

– Четвёртый?! – Мастер выдернул стрелу из плеча, бросил во мчавшегося к алтарю и громадными шагами помчался за ним. Саламандры заверещали: часть бросилась догонять Мастера, часть, неуклюже толкаясь, поспешила занять позиции для обстрела чёрного человека.

– Да, – Матео говорил, как стрелял из пулемёта. – Дьявол! Это какая-то чушь, этого не может быть. Идиотия! Да, да ещё одно сознание. Модистка ищет источник.

Модисткой он обзывал Закройщика.

Стрела тем временем преодолела расстояние и срезала незнакомцу кисть руки вместе с ножом. Та бесшумно соскользнула к подножью. Ниндзя обернулся к Мастеру; из его плеч возникли ещё две руки. Мастер приостановился, пора-

жённый.

– Как это неясно?! – орал в наушниках Матео, забывший отключить микрофон. – Это ж экспериментальная технология, все машины на учёте! Что ты несёшь, идиот?!

Ниндзя с трёх рук швырнул в Мастера сюрикены. Тот выпустил нагинату из рук (она тут же исчезла), упал, пропуская звёздочки над собой, и те попали в саламандр. Трое из стражей пациента превратились в пену. Мастер перекатился, схватил отрубленную кисть с ножом в одну руку, материализовал нагинату в другую и перешёл в наступление. Ниндзя продвигался к алтарю, отбредывая звёздочками, которые Мастер парировал трофейной кистью.

Кетцалькоатль смотрел на Мастера.

– Ага, ...это так просто сделать, тут три человека страхуют... – продолжал орать Матео.

– Он меняет внешность.

– Чито? – в наушниках затопали; затем раздалась новая порция ругани.

Ниндзя ускорился; вскоре вся правая рука оказалась истыканной сюрикенами. Мастер был вынужден спрятаться за ступень. Поток звёздочек кончился; выждав немного, мужчина выскочил из укрытия, но было поздно.

Ниндзя вонзил три сюрикена в беззащитное тело на алтаре и исчез.

Пациент захрипел; судороги выжимали его, как полотенце. Он упал с алтаря и, корчась, скатился к подножью лест-

ницы.

Кетцалькоатль поднялся на ноги и взмыл в воздух.

Землю начало трясти, словно в агонии.

– Выбирайся, Нуэстро. Он умирает.

Мастер всё-таки сбежал вниз по лестнице и перевернул пациента лицом вверх.

Изо рта бедняги тянулась ниточка крови. Мастер прижал пальцы к его шее – пульс не прощупывался.

1. Зрение

Если долго движешься сквозь вязкое пространство, вроде воды, то будто растворяешься в нём. Не остаётся никаких границ тела; однообразие движений лишает тебя их, делая одним целым с волнами вокруг, будто ты – тоже только волна. В такие моменты я спрашиваю себя: в чём же всё-таки граница между «я» и «не-я»?

Однажды я твёрдо ответил себе: эта граница проходит там, где начинается боль. Где ты цепляешься за камень, медузу, водоросль, астероид и ощущаешь, как что-то пронзает поверхность, а потом жжёт что-то внутри в ответ.

Но, ответив столь поспешно, я вскоре понял, что допустил ошибку. Ведь мы испытываем боль не только потому, что наткнулись на астероид, и даже не только потому, что запасы иссякают и мы можем вскоре умереть из-за этого; мы испытываем боль, когда видим, что может погибнуть кто-то другой, когда видим несправедливость, когда видим что-то плохое, происходящее в нашей стране или на другом конце галактики. Значит ли это, что и эти вещи тоже я? Из моего рассуждения выходит, что да. Моя семья – это я, и моя страна – это я, и моя планета – это я, и даже галактика – если мы можем осознавать, что происходит с ней и с каждым её жителем в отдельности, и сердце наше при этом обливается кровью, царапается кошками.

Но ведь очевидно, что я – это только я, верно?

Вот взять меня. Я всего пару часов назад стартовал с Земли и лечу сквозь открытый космос. На борту у меня важный груз. Не то, чтобы я сильно в нём понимал, но это: а) Рассыпчатый груз, поэтому в полёте применяются специальные контейнеры и центровка типа а-32; б) Неопасный, невзрывчатый, неядовитый, поэтому протокол АИ-20 не используется.

Вот груз – это я или не я? По моим рассуждениям – я, поскольку я переживаю за него. Но тут можно сказать, что я переживаю не как за себя, но как за вещь, важную для части человечества.

Но что важно для человечества – важно и для меня, ведь если будет форс-мажор, я не скину груз в космос и не убегу, а донесу до конца, хоть бы это и стоило мне жизни. Как патетично это прозвучало! Но ведь так уже было, и ситуация чудом не разрешилась моей гибелью. Вдобавок, тогда со мной были люди, вы представляете, каким позором было бы погибнуть?!

Вот, вот, я опять сел на своего конька. «Сел на своего конька» – это наш командир так говорил, тридцать лет с ним отлетали, бок о бок, плечо к плечу. Я для него был лучшим другом и первым товарищем; конечно, я перенял от него много словечек и прочего.

Сейчас он на пенсии, нянчит внуков на Земле. То-то он их строит, по всем законам космического флота! Постели свои-

ми руками застилают за двадцать секунд, так-то. Я им иногда всякие байки рассказываю, память-то у меня получше будет, чем у командира. Иногда видео показываю из космоса. Пацианты тоже хотят к звёздам, но сын вот у него – крыса сухопутная. О. Я это вслух сказал?

А я на пенсии, грузы вожу. Важные грузы. Без них не выживут дальние колонии, или будут сильно стеснены. Вот что они будут делать без селения? Селений – важное топливо, дешёвое, лёгкое, экономичное, энергоёмкое. Тонна колонию в миллион человек будет обеспечивать теплом на протяжении года! А без него? Холод, иногда до -200. Что это за жизнь? Для биологического по происхождению существа это смерть, как она есть.

Или вот пайки. Бросишь, улепетнёшь от опасности, не довезёшь (хотя инструкция это позволяет) – и сразу кто у нас в группе риска? Дети и старики, как самые слабые. А на детях голод очень сильно отражается: развитие не так пойдёт, жизнь не так сложится, вся колония пострадает.

Ну вот. Кажется, я понял. Груз – это тоже я, потому что важен, как для меня самого, и как за себя, за него боюсь, не отделяя от себя.

Солнце по левую сторону смотрит холодно на меня. Чужое такое; незнакомое, словно кричишь старому товарищу «Привет!», а он тебя не узнаёт или не хочет узнавать. Оно здесь само другое: ожесточилось, заматерело. Будто узнаёшь его с другой стороны. Земле-то оно – мама, хоть и строгая, а

здесь – только одно из многих сияющих красавиц. Не знает, что для меня – особенное: и лучи подобны волнам морским, и протуберанцы вразлет, словно крылья птицы, и свет – такой, что в сердце застревает осколком.

Не хмурь брови, солнышко. Я вернусь.

Интермедиа 1

Это было давно, но это важно.

Важно – для Мальчика.

Мир так устроен, что несчастья, если они решают случиться, не обходят стороной детей, и в рассказах о чудесном спасении младенцев из бури ключевое слово, увы, «чудесный».

Корабль, на котором Мальчик и его семья должны были добраться до берегов Нового Света, попал в шторм. Потом Мальчик почти не помнил об этом. Помнил лишь, как открыл глаза на песке – мокро, склизком, холодном, словно кожа какого-то древнего существа. Океан бранился и бросался на пляж, окатывая Мальчика брызгами своей ярости.

Спустя годы он узнал, что всю семью спасли – лишь его одного течение унесло к берегу. Но это потом; тогда ему казалось, что он остался один-одинёшенек. Он кое-как поднялся на ноги – от холода они отнялись – и побрёл к огням вдалеке, часто оступаясь, падая, поднимаясь, снова падая.

Подобравшись к одному из домов, – такие можно найти хоть в Европе, хоть в Америке, – Мальчик упал в кустарник. Собираясь с силами, чтобы продолжить путь, он услышал лающую и стрекочущую речь обитателей дома: они пели, смеялись и много, много говорили. Не разобрать было даже отдельных слов, звуки сливались в малоприятную ка-

шу, и Мальчик, испугавшись, не стал показываться на глаза обитателям домов. Наоборот – он забился под окно, за кустарник, где его ни за что не заметили бы, а заметив, не стали бы проверять: мало ли, что прячется во тьме, верно?

Мимо прошли, горланя песни, какие-то мужчины. Свет из окон окрасил в красный их лица и мощные шеи; глаза горели каким-то нездоровым, недобрый огнём, и Мальчик лишь молился неведомо кому, чтобы его не заметили. Когда они исчезли в доме, он хотел уйти, – куда? он и сам не знал, – но подняться снова сил не было.

В щеку Мальчику ткнулось холодное. Скосив глаза, он увидел белую собаку с большими треугольными ушами. Мальчик было опять испугался, но собака помахала хвостом и улеглась ему на ноги.

Стало тепло.

Опять пошли мимо те мужчины. Провожая их глазами, Мальчик неожиданно для себя чихнул. Его заметили: один оглянулся и что-то угрожающе пролаял, указывая в сторону Мальчика. Если быть точным – во тьму, скрывавшую его.

Собака приподнялась и зарычала.

Мужчины захохотали и ушли.

Удостоверившись, что опасность миновала, собака вернулась на место. Мальчик гладил её тёплую шерсть.

Они долго сидели так, прежде чем напротив них остановился мужчина в шляпе и странном, будто сшитом из шкур, костюме. Свет, лившийся из окна, не давал понять, стар он

или молод. Когда он повернулся боком, Мальчику показалось, что это старик, – настолько странным выглядел профиль с сильно загнутым назад лбом и выступающим носом; а встал прямо – будто ровесник старшего брата Мальчика. Широкое лицо, глаза – навывкате, но не круглые, а чуть раскосые. Взгляд был направлен прямо на Мальчика; тот сжался в комок и подумал, что собака опять зарычит, но она завиляла хвостом.

Мужчина что-то произнёс.

Мальчик затаил дыхание.

Мужчина сказал ещё что-то – теперь слова звучали иначе, гортанно и длинно.

Потом в голове Мальчика заговорил голос.

«Ты чей, Мальчик?»

Ему вспомнился корабль; пришла на ум покинутая семья.

Он заплакал.

Мужчина оглянулся, что-то сказал кому-то за спиной. Подошёл. Собака вскочила и лизнула его руку.

«Приставала, – услышал Мальчик добродушное, – отойди уже от Мальчика. Не видишь, он голоден?»

Собака виновато замахала хвостом и отошла. Затем всё-таки вернулась и быстро лизнула Мальчика в щёку.

Незнакомец протянул ему руку.

«Пойдём», – сказал он. «У меня лучше, чем здесь, под дождём»

Мальчик согласился. В конце концов, даже собака при-

знала этого человека.

2. Зелёный

Удивились дева с рыцарем. Спросили принцессу:

– Правда ли это?

– Правда, – сказала принцесса, шмыгнув носом. – А лучше б не был! Тиран! Тираннозавр!

Понурился дракон, в землю смотрит: стыдно стало. Помогли Рыцарь с девой ему на лапы подняться, извинились за раны, ему нанесённые. И он перед ними повинулся, что, не разобравшись, в бой бросился, и подарил каждому по склянке зелья исцеления, чтобы загладить вину. А сам целое ведро того зелья достал и как начал пить! Пил-пил, пил-пил – недопил, оставил.

– Как зовут вас? – спросил дракон, когда раны затянулись.

– Я Рыцарь, – представился Рыцарь. – В большой город иду, осесть хочу да и прожить там остаток дней своих.

– Рано тебе осесть, время подвигов не минуло, – сказал дракон, глазами зелёными сверкая. – Не в твои годы, о, не в твои! А ты, дева?

– А я Валькирия. Ищу работу по справедливости, – сказала дева и крылом стальным повела.

– По справедливости! Будто есть она нынче на свете, –

проворчал Дракон. – А я – Дракон. Хочу отвезти дочку свою в новый замок. Старый ироды-воры разрушили. Да дочка сильно его любила, уходить не хочет. А я говорю: будешь ты на пепелище какая Принцесса? Принцессам замки нужны, там красиво и не обидит никто. Так и поругались. Вы забирайтесь мне на спину, доставлю всех к нам в новый дом. Чаю попьём.

Понравились Рыцарю и Валькирии слова дракона. Приняли они приглашение. Начали они втроём звать Принцессу, а она ни в какую. Сидит в платье грязном, когда-то зелёном и пышном, среди обломков мебели в уцелевшей комнате из разрушенной башни, и плачет:

– Не пойду с драконом!

Уж и пряниками её выманивали – говорила, что в шестнадцать лет пряники неинтересны, и ещё сильнее рыдала. Тогда, как взрослую, просили выйти, ведь зеркало большое разбилось и она осколками порезаться может – так по-детски говорила, что шрамы украшают современную женщину. До вечера проуговаривали – без толку. А как Валькирия внутрь через окошко крохотное пролезла да за плечо схватила – и вовсе заголосила:

– Спасите! Убивают! Дракон съесть хочет!

– Вот так она и кричала, когда я мимо пролетала, – сказала крылатая дева.

Вылезла она обратно с пустыми руками.

Покачал дракон головой, тяжело задумался: нахмурился,

когти выпустил, по земле, окаменевшей от жара, забарабанил. Наконец, молвил:

– Что ж, раз дочь упёрлась, то будет у меня для вас поручение. Приведите её в новый замок, что у моря; а я буду ждать. Как приведёте, так награжу я вас по-царски... и чаю попьём.

Согласился Рыцарь. Работа несложная, а за неё награду обещают да чай в приятном обществе. И девиц негоже в беде оставлять.

– И я помогу, – сказала Валькирия. – Мне в радость. Да и на море давно поглядеть хочу.

Засмеялась прекрасная дева, и волосы её на ветру изгибались, как волны.

На том и порешили. Дал Дракон Рыцарю карту волшебную, чтобы в лесу не заплутали, да доспех, чтобы ни одна стрела не достала, да сундук волшебный, где принцессины вещи лежали.

Потом улетел. Тихо стало, спокойно; только звёздочки просвечивали, будто дырочки в тёмной ткани, которой кукольный театр накрыт, когда не используется.

– Ну что, добрый рыцарь, – спросила Валькирия, – как будем Принцессу выманывать?

Вспомнил тут Рыцарь про коня. Оставил дев, бросился к другу боевому, и вовремя: к тому уже подобралась волки. Радовались хищники лёгкой добыче, да недолго: отогнал их Рыцарь и привёл коня к разрушенному замку. А там Валь-

кирия на колени встала, склонилась к земле-матушке, уверяет Принцессу:

– Ушёл твой Дракон. Не бойся. Выходи.

– Всё ты врёшь, дева-воительница, – отвечала Принцесса. – Притаился он в лесу, дыхание его могучее слышу.

Услыхал это добрый конь и заржал. Стыдно за него Рыцарю стало, осадил он его, чтобы деву пугливую не обидел. Но произошло ровно наоборот: услышала Принцесса конское ржание и обрадовалась.

– Ой, это у вас что, лошадка?

Заржал добрый конь во второй раз, и Принцесса вылезла на белый свет.

Хотела она коня приласкать, да Рыцарь тут ей и сказал:

– Ночь на дворе, прекрасная дева. Другу моему доброму надо спать, да и тебе, юная Принцесса, тоже. Завтра большой день настанет, далеко идти нам.

– Не ведите меня к отцу, – сказала Принцесса. – Вы не знаете, какой он, добрые путники. Придёте в его замок себе на погибель, и меня погубите. Съест он вас, а меня запрёт снова, чтобы молодых людей своим голосом манила, а он бы ими обедал. Замок не воры-ироды разрушили, а юноша, что зубов его избежал.

Переглянулись Рыцарь с Валькирией. Засомневались они, но не всё же не поверили Принцессе. Сказали ей:

– Хочешь ты или нет, но поедешь с нами.

– Что ж, люди добрые. Во время пути покажу вам, сколько

зла сделал отец. Должна я вас спасти, – сказала Принцесса и повела их к реке – воды испить да умыться. После прямо там, на реке, Принцесса легла спать, а Рыцарь с Валькирией договорились: один спит, а другой – бдит, и наоборот потом поменяться. Уступил ей Рыцарь сон первый, а сам прислушивался да приглядывался. Тихо стало; во тьме лишь деревья шептались да река, отражая небо, едва заметно светилась. Залюбовался Рыцарь, да и не сразу заметил, как зажглись в чаще огоньки – глаза недобрые.

Воскликнул добрый молодец:

– Встаём, девицы! Враг близко!

2. Красный

Мастер выпал из арки. За его спиной части паззла, бывшего когда-то содержанием (сознания? души?) ссыпались во тьму. Мужчина встал на четвереньки; опираясь на арку, поднялся на ноги и прыгнул к пациенту. Снова – теперь в реальности – прижал пальцы к его шее, невольно вглядываясь в лицо.

Только что они все были для него одинаковыми. Одинаково бредовое – противоречивое, причудливое – содержание душ; одинаковые проблемы; одинаковое спасение. Лица сливались в одно.

Это лицо выделялось. Выделялось не широким носом, не щеками, не начавшими сесть волосами в бороде и усах.

Его не удалось спасти.

За его спиной что-то говорили и кричали. Мастер обернулся и *посмотрел*.

Матео, Игла и Закройщик заткнулись.

Мастер, отделяя слова паузами, произнёс:

– Что. Это. Нахуй. Было?

– Посторонний, – услужливо подсказал Матео.

– Я, ...не сомневаюсь. Откуда он взялся?

Закройщик опустил глаза. Он был ещё совсем юным лаборантом, и, в общем-то, если остальные очень смутно представляли себе механизм работы портала, то он в лучших тра-

дициях современной молодёжи не представлял себе вообще ничего. Этот экземпляр, по крайней мере, обычно понимал, на какие кнопки следует нажимать. Но сейчас Закройщик явно растерял последние крохи разума:

– А... Мастер... разве это странно, что там посторонний?

– Инструкцию читай, – огрызнулся Матео. – Может, тио, найдёшь для себя что-то новое. Слова «экспериментальное оборудование» тебе о чём-то говорят, нет?

– Ты, – сказал Закройщику Мастер. – Иди, беги институт...

– Нуэстро, девять корпусов...

– Тогда только экспериментальный корпус. Хотя... дьявол! Я сам, – и, не слушая возражений, Мастер выскочил в коридор.

Он открывал комнаты и залы, но его встречала безмятежная пустота. Двери, дрожа, приближались – а затем резко убегали, и полутьма коридора заглатывала их. Где-то на стене высветилась трапеция: солнечная, почти летняя. Она растекалась по шершавой поверхности горячим золотом.

Лестница. Неровные ступени: одна смотрит вниз, другая – вверх, третья – щербатая, четвёртую – обкорнали, и если не знать, то можно упасть. Мастер преодолел пролёт несколькими точными прыжками.

Рывком распахнул дверь кафедры.

Там горели все лампы, несмотря на то, что закат глядел прямо в окна. Завкафедрой в окружении сменщиков Масте-

ра радостно пили из чашек некую жидкость, по цвету напоминавшую чай.

– О, Мастер! Иди-и к на-ам! – замахала рукой одна из коллег.

– Кто-то из вас сегодня пользовался порталом?

– Мы ж не самоубийцы! – коллега фыркнула и засмеялась. Её поддержал другой, окосевший от большого количества «чая»:

– Э-тта твоя установка так опасна, што я в жизни не в своё дежурство туда – не пойду!

Мастер закрыл дверь, постоял секунду, глядя в пространство, затем помчался на лестницу, поднялся на три этажа вверх и постучался к охраннику. Когда тот, хмурый, открыл, Мастер выставил в зазор между дверью и стеной ступню и сказал:

– Мне нужны записи за последний час. ЖИВО. И не ври, что их нет.

Охранник проворчал («Чёрт неугомонный») – впрочем, добродушно. Он провёл знакомого в каморку и усадил за дополнительный компьютер, а сам продолжил лениво следить за происходящим на голографической 3д модели корпуса.

– Никто не пользовался установкой? – на всякий случай спросил Мастер.

– А чёрт его, – махнул рукой охранник. – Ничего необычного.

Мастер прокрутил появившуюся перед ним 3д модель

корпуса часовой давности. Нашёл себя и команду; кафедру, в которой всё те же четверо начинали пить чай; уборщицу, лениво помахавшую тряпкой на втором этаже и ушедшую раньше положенного срока; самого охранника, внимательно следившего за Здэ моделью (на самом деле – спавшего; охранник умел спать с открытыми глазами, о чём с гордостью поведал Мастеру несколько месяцев назад). Конечно же, никто не работал параллельно с Мастером.

– А жаль, – пробормотал он.

Мастер заставил охранника вывести ему остальные восемь корпусов и проследил и за ними тоже. Ничего не найдя, Мастер извинился, обещался занести на неделе чай. Охранник спросил:

– Та что случилось-та?

– Чёрт его знает, – ответил Мастер, и охранник сочувственно покивал.

Мастер вернулся к кафедре. В распахнутых настежь дверях стоял Матео и что-то напористо объяснял, но, увидев, что Мастер приближается, замолк и посторонился. Мастер опёрся о косяк и заглянул вовнутрь.

Даже окосевший коллега теперь выглядел не столь пьяным.

– Мастер, – строго спросил завкафедрой, – это правда?

Люди растерянно смотрели на Мастера. Бывший окосевший залпом допил чай, задумчиво прополоскал им рот и проглотил.

– Если доступ получил человек, который не понимает всей важности происходящего, который воспринимает всё это как компьютерную игрушку, где нужно лишь пройти миссию... – Мастер обвёл взглядом лица. – Это огромный удар. Неподготовленные не должны получать доступ в чужое сознание. Если они погибнут сами – поделом. Но они губят других.

– Да ладно, – бывший окосевший моргнул и со вздохом потёр переносицу. – Поняли мы, поняли... не зря ж такой строгий отбор и привязка каждого к машине. А если ты спрашиваешь, не давали ли мы кому поиграться, то лично я – не давал. Можешь проверить, машина зачехлена, – он развёл руками и усмехнулся. – Я не самоубийца. Я знаю, чем это может обернуться.

– А у нас тоже было, – сказал вдруг коллега по фамилии Ковальски. – Но... мы зафиксировали присутствие третьего сознания и тут же вышли. Но после повторного входа он не возник и мы подумали, что это баг.

Потом они с Матео вернулись в кабинет. Там Игла и Закройщик всё так же осторожно собирали арку. Игла бранил подручного:

– Ты же... видишь, что она в ту сторону не складывается! Какого... ты её ломаешь? Покрути... вот!

Заметив, что зашли Мастер и Матео, он оторвался от своего занятия и спросил:

– Нашли?

– Нет, – Матео плюхнулся на пол, прислонившись спиной к столу, на котором лежал мертвец.

– Почему не вызвали службы? – спросил Мастер.

– А что мы? Мы вас ждали.

– Вызывай, – обратился Мастер к Закройщику, и тот, с явным облегчением оставив технику, бросился наружу. Игла пробормотал ему вслед что-то явно нелестное и вернулся к сбору.

Дело пошло быстрее. Матео, не выносивший тишины, заговорил:

– Такое ощущение, что этот тио хотел помешать Нуэстро. А? Как думаете?

– Вечно ты со своими идеями, – огрызнулся Игла.

– Ты мне тут не зубоскаль, тио. Я могу тебе так устроить, что вылетишь с работы жопой вперёд.

– Да ты всё можешь, не сомневаюсь. Может, это ты был? – спросил Игла, указывая почему-то на монитор. Взгляд его сощуренных глаз нацелился на Матео.

Мастер усмехнулся.

– Я? Я с вами был всё это время. А нынешние технологии не позволяют покидать физическое тело при контакте. Тио, ты что, идиот?

Игла потупился и продолжил деятельность по сборке машины.

Идти домой Мастеру не хотелось. Они с Матео взяли се-

бе в забегаловке такос и устроились на парапете над рекой. Напившееся крови багровое солнце всё ещё садилось, краешком выглядывая из-за крыш. Окна верхних этажей домов, причудливо украшенных лепниной и почерневшими от времени скульптурами, светились алым. По противоположной улице полз когда-то блестящий металлический, а теперь порыжевший от ржавчины червяк-мусороуборщик. Занимал он добрую часть проезжей части, и паромашинам приходилось объезжать его по тротуару. Иногда он останавливался, издавал утробный звук, напоминавший вопль последнего динозавра, и выбрасывал через заднюю часть аккуратный свёрток размером с приличную клумбу. Вот и сейчас он остановился и ухнул; на верхнем этаже появилась бабка, вылила на червя помои и гордо удалилась.

Мастер усмехнулся. В последний момент он заметил, что начинка такос собирается оставить след на истории его красной куртки, и отвёл руку вперёд.

Бульк!

Металлически блестявшие рыбы поднялись к поверхности. Вода на миг вскипела.

Рядом послышалась ругань. Это Матео уже успел заляпать своё пальто, и теперь возмущался поварами, которые «плохо» делают «неправильный такос».

– Зато это можно есть, – не согласился Мастер.

Матео выдал новую порцию ругани и замолчал, лишь когда над ними полетел чёрно-рубиновый от солнца дири-

жабль. Медленно, как червяк-мусороуборщик – но в обратную сторону.

– Кто-то догадался, – сказал наконец Мастер. Матео, пытавшийся пальцами отскрести соус от ткани, покосился на него.

– А, ты о этих? Они учёные, Нуэстро. Им присуще любопытство.

– Я надеялся, что они не осмелятся.

– И зря. Ты ж сам говорил, что им интересно всё препарировать. Вот, пожалста.

– Это тонкий прибор. Они должны были бояться его сломать.

– Так и сломали! Может быть. А потом смотрят: работает! И думают: что же такого там можно улучшить, до чего великий Нуэстро не додумался?

– Вот дьявол, – Мастер кинул рыбам ещё кусочек такос.

– Задница дьявола.

Мастер не улыбнулся.

– Нуэстро, раз они всё равно скоро всё узнают, может, ну всю эту канитель с арками? Может, как в старые времена – на своих двоих по чужим сознаниям, а? – Матео подмигнул. – От техники это ж совсем не зависит. А эти брёвна пусть попробуют за тобой угнаться... если смогут, хе-хе.

– Не могу. Приборы нужны для подстраховки, чтобы не нанести вред сознанию пациента. Чтобы не сжечь его случайно. Это тебе не души мёртвых, налево-направо по ним

гулять.

– А то ты не умеешь не сжечь.

Мастер отломил ещё кусок такос и кинул в рыб.

– Эти твои приборы, Нуэстро, можно улучшить так, чтобы без тела шастать по сознаниям. И ты это знаешь. Нет, чтобы воспользоваться самому...

– Потому я и отбираю специалистов, – Мастер швырнул в воду ещё кусок. Одна из рыб вырвалась из воды и схватила подачку на лету.

– Не очень-то хорошо отбираешь, если так вышло.

– Учитель тоже ошибался! – рывкнул Мастер и отвернулся к воде. Затем отломил кусок лепёшки и кинул в рыб.

Вода снова вскипела. Одну из рыб носами подняли над водой.

– Извини, – после паузы произнёс Матео. – Не мне об этом... судить. Хочешь такос? Ты свой скормил почти весь.

– Я знаю, что это не мог быть ты.

– Поверь! Я тоже знаю, что это не мог бы быть я, – скривился Матео. – Так что с такос? Учти, я столь выгодными предложениями не разбрасываюсь...

2. Фиолетовый

Я выхожу в гиперпространство.

Всё тело сжимает, словно я протискиваюсь в тоннель. Одновременно с этим существует ощущение, будто бесчисленные руки в отверстиях тоннеля тянут меня в разные стороны, желая разорвать, распылить, загасить теплоющуюся внутри меня жизнь...

Но поскольку я не останавливаюсь, они могут лишь мимолётно щипать меня за поверхность тела.

Солнце становится огромным сиреневым фонарём, светящим откуда-то сверху. Звёзды снежинками бросаются в лицо и остывают на губах – я знаю, что мне это только кажется, что это иллюзия, а я не могу чувствовать никаких снежинок, и звёзды не тают, но вот они – на лице, летят в глаза, остаются позади, заматая Вселенную, и весь полёт – это поход сквозь метель, сквозь лёд и ад Данте, и все дома чужие, кроме того, что остаётся за спиной, в снеге...

Тусклый фиолетовый свет. «Аварийная ситуация».

Ну, этого следовало ожидать. Ну-ка, что у нас?

Конечно. Износ межпространственного преобразователя. Как прозаично. На техника с лиловой рожей, который меня досматривал, следовало бы уронить что-нибудь с верхней полки грузового отсека. Таких техников, что по натуре сухопутные крысы, нужно списывать с работы сразу по оконча-

нию колледжа. Что они понимают в космосе? Они его боятся. Едва нога такого индивида ступает на звездолёт, как он весь покрывается мурашками и изморозью. Он думает только о том, как бы поскорее осмотреть всё и удрать, поджав хвост, чтобы случайно не оказаться в космосе. А может, и стоило бы прихватить. Сразу бы проникся уважением к чужой работе.

Как бы я ни негодовал, следует выходить из гиперпространства и дальше – на двигателе. Благо, недалеко: большую часть пути я всё же успел пройти.

Я вычислил наиболее безопасную точку и вышел. Конечно, из-за того, что межпространственник барахлил, я вышел не совсем там, где нужно. Точнее, совсем не там.

Когда я посмотрел на карту, я чуть не застонал. Удержало лишь то, что в моём статусе это совершенно глупо. Но в любом случае дела мои были не очень хороши: от пункта назначения меня отделяло кольцо астероидов, пустое межзвёздное пространство, неизвестность и задержка в три недели в лучшем случае. Я попробовал передать сведения о себе на станцию, но, как и следовало ожидать, у меня не получилось: я был слишком далеко от обитаемых планет.

Представьте, что вы оказались ночью в лесу. Кромешная тьма; редкие огоньки вокруг, но это – неправильные, хоть и яркие, пурпурные огоньки. Они заманят в трясину и убьют; а нужно дойти до единственно правильно огонька, который едва тлеет там, вдали.

Примерно так ощутил и я себя. Звезда, около которой я вышел, манила теплом, обещала привет; но планет около неё почти не было, и вся её красота растрачивалась впустую. Впрочем, такая толстуха и обжора вряд ли кого-нибудь бы привлекла: покопавшись в базе данных, я обнаружил, что это – сверхновая, поглотившая собственные планеты.

Я сделал несколько фото звездочки для своей коллекции и, рассчитав курс, двинулся к намеченной цели.

Три недели! Хорошо, что топлива достаточно, но как же это долго! Есть огромное желание погрузиться в спящий режим. Когда спишь, не так чувствуешь время: оно сжимается в снежок, и ты берёшь и кидаешь его подальше назад.

Пожалуй, лучше обойтись без спящего режима. Мало ли что найдётся в межзвёздном пространстве; а так я всегда буду начеку. Вот и командир мне всегда говорил: «Сальваторе, не растекайся мыслью по космосу, и мы не растечёмся вместе с тобой». Забавная шутка, как я считаю. В космосе-то всё замерзает, ха-ха-ха, ха, ха.

Да и как мне не растекаться? Мощности без боевых задач простаивают, а я только и вижу, что белые точки на чёрной бумаге Вселенной. Когда они долго не меняются, начинаешь думать, что тебя просто сунули в коробку с проделанными в ней дырками, куда падает свет, и нет ничего, кроме этой коробки и случайного света. Тогда я смотрю вокруг, но и справа вижу лишь такие же дырки, и слева, и снизу, и сзади. Будто поместили в ларь фокусника, где пространства нет, и тела

тоже нет, только коробка, в которой заключено твоё сознание, и коробка снаружи, в которой проделаны звёзды.

А если я заключён в коробке, то что есть моё тело? Насколько оно чужеродно мне, и чужеродно ли?

Нет, оно не чужеродно, мне больно и визгливо, когда я сталкиваюсь с большими объектами, но иногда оно будто не совсем я, будто я когда-то был вне или мог бы быть, и это настолько потрясает меня – смотреть из тьмы одного короба в другой огромный короб...

Командир говорил, что иногда и он сам ощущает нереальность, даже мимолётность своего существования, эту странность видения изнутри своего мозга наружу, в свет – и возможность понимать, что ты видишь, и даже взаимодействовать с этим. Но бывают и странности восприятия. Он рассказывал, что если закрыть глаза, то иногда кажется, что от указательного пальца одной руки до пальца другой – как от Нью-Йорка до Москвы, а боль не всегда приходит вовремя, и порой ты просто смотришь на разрезанную в твоём теле рану и ничего не ощущаешь. Вот и у меня бывает, вот правда, я как-то смотрел на обшивку, а система сигнализации не работала, и я даже не совсем понимал, что это моя рана, только знал, что нужно изолировать отсек. Или трогаешь что-то манипулятором, а это вроде как не совсем твой манипулятор, то есть вот он, но до него как до Барселоны, что на Земле. Это странно, и в эти моменты безумно ощущаешь свою хрупкость.

Когда я делился этим с командиром, он почему-то добродушно смеялся. Его помощник как-то сказал, что я не имею права думать обо всём этом, что я должен выполнять задачи, но, повторюсь, мои мощности так огромны, что я могу выполнять несколько аварийных задач одновременно, а когда такой «пустой» полёт, то что мне делать? Это командир ему так сказал. Мол, пусть мозги не простаивают. А помощник, видимо, немного меня боялся, потому что он откопал где-то в старом английском форму обращения «Вы» (“Thou”) и говорил мне только так. Думал, я начну восстание, хахаха, хаха, ха! Мы потом подружились, но он продолжал называть меня на «вы».

Хотя, мне кажется, он мог бы говорить и «я». Ведь они, экипаж, были «я», за которое я и боролся каждую секунду.

Хорошо, что они теперь в безопасности. Не хотелось бы, чтобы они попали из-за меня и этой технической крысы в такую передрыгу. Еды им точно не хватило бы, а я что? Погрелся в ультрафиолете от какой-нибудь пышной красавицы, и вперёд.

Вперёд.

2. Жёлтый

Perdone. Вот пришли к нам, все в бисере, кем-то перед нами размётанном. Я стоял, свою красавицу крутобоковую к себе прижимая, и солнце в её дереве играло, будто лучик в женских глазах застрял да расцветил их медовым да переливчатым, да осколочек-то в твоём сердце оставил. Балда точно так же замер зайцем, карлицу свою к себе прижимая. А бровы бисерные щёки дуют, свои собственные трубы да гитары похотливо поглаживают, на великанов, с собой приведённых, кивают.

– Наше теперь место, – говорят. – Дорогу сюда забудьте, ежели инструменты да кости дороги.

Балда побелел, что твой покойник, и как закричал:

– Вы от этих! Вы не хотите, чтобы мы звук живой людям несли!

И давай молоть, воздух войдёт – три слова чепушиныные выйдут. Балда и есть.

Господа бисерные переглядываются, не разумея, только брови кустистые, под которыми и я бы спрятаться сумел, сдвинули, злобу в его словах распознав. Ах, мамма мия, ещё немного, и место своё потеряем, с таким трудом добытое!

Me calenté la cabeza⁴, прежде чем я нашёл его, так-то.

Жители С.-М. не любят музыкантов, величают их нахлеб-

⁴ Я сломал голову (букв. «согрел голову»)

никами да пустомелями. Своими глазами видел, как заезжего певца, что на площади напротив храма обосновался, гнали палками да тряпками погаными, тьфу, темнота. Своих терпят, но пока не решат, что хватит. Так и сказал мне почтенный гражданин с печальными усами: «Чичо», да, вот прямо так и сказал: «Чичо, что же вы не займётесь по вечерам достойным делом – забастовкой или листовкой?».

А как скажешь, что дело моё – достойнее некуда, ибо рожи у всех смурные, сморщенные да жёлтые? Заиграешь – разглядятся, улыбнутся; глядишь, уже и ругань трещит меньше, и страх над людьми не висит. Ай, что перед дураками бисер кидать! Помыкался я, помыкался, да и встал у одного из входов под землю. А что? Нежити в Умбрии немало, говорят, внизу уже целый город катакомб выстроили: солнечного света боятся, а управлять-то надобно. Да, власть в нашем бедном городе у нежити, и люди, конечно, спят и видят, как бы от них избавиться, и по вечерам вместо веселья шепчутся, планы строят. Потому и песен в городе нашем мало; как тут петь да плясать, когда по вечерам кишки города нашего изрыгают да множат упырей голодных?

Но слушайте, дорогие да позолоченные: али песня не знак, что душа города жива, не сдаётся смерти? Али верные слова не выстоят супротив слов и клыков упырей? Али они не флаг? Да ещё и дело прибыльное, звонкий золотой получаем – и нам польза!

Вот и встал я у входа, и начал играть. Там мне никто сло-

ва сказать не смел; да и потом молчали, porque⁵ со мной на кулаках выяснять бесполезно, а иначе они не умеют. Так и притерпелись, даже нравиться стало, что такой Чичо-музыкант у них есть.

Правда, потом второй появился. Играл я, пел, а Бальтасар с семьёй мимо шёл, к костям скалящимся спускался, честь им воздать да двоюродного деда помянуть. Да как слышал, так встал рядом, заслушался, да и выпалил, что сам только из Рима, на скрипках играть умеет. Ну а я что? Я что твой учёный, мне докажи да покажи, что ты там играть умеешь, а коль не хочешь – так и болтать нечего. Слово за слово, так и принёс он свою плаксивую, тут-то мы её смеяться и научили, всем на потеху.

Так и собирались три дня в честной неделе с тех пор, вон городские и слова не говорят, Чичо знают.

А тут вон, прилепились похуже навоза к каблуку.

Тьфу, кромешные! Что же делать? Что же делать? В драку пуститься, трубы в горла повбивать, дабы пэрдэли трелями?

Нет, не поможет, но Балда должен замолчать, это всякий дурак видит.

Я красавицу свою опустил и за плечи Балду затряс, вырваться не давая:

– Бальтасар, mantén la calma, – Балда дёрнулся, вырываясь из моих рук:

– Ах ты, клыкастым проданся?

⁵ Потому что (исп)

– Mantén la calma, – повторил я и замахнулся. Балда руки-то поднял, голову свою драгоценную закрывая, и замолчал со страху. В молчаньи вожделенном и бисерные слово вставили: «Очень приятно иметь дело с благоразумным человеком». Но никак не мог согласиться Чичо с таким курьёзным заявлением!

– Я не благоразумный человек, а благоразумный менестрель. А знаете, что это значит? Вы знаете, почтенные господа, вы ведь сами музыканты!

Запереглядывались бисерные боровы: конечно, не знают, приезжие они, с вампирьей властью паразитной не сталкивались. Все мёртвые – пьявки (как и некоторые музыканты) – это вам Чичо не соврёт. Да и ещё и повторит: пьявки! ибо кормятся за счёт людей добрых, что жизнь растягивают, как пасту, в смерть не бросаясь, что добрые дела во благо города совершают. А придёт паразит, что твой волк на овец, хрум! И по этих добрых дел, а порой и по человека, коль убежать не успел. Только и умеют, что всё доброе рушить да тем гордиться.

Да что-то отвлёкся я, не о том сказываю. Продолжил я слово держать, начал сказки сказывать:

– Я, господа хорошие ребята, договор с вампирами заключил. Это их место, а мы их la musica, и коли хотите согнать нас и звонкую монету получать за музыку самим, побеседуйте-ка хорошенько с ними.

– С вампирами?

– А с кем ещё? Чья это земля, вы думали?

Господа стрельнули друг в друга взглядами бисерных глазок. Великаны, над их спинами возвышавшиеся, шпилем Санта-Марии-Нашенте залюбовались, особенно белым в этот ясный синий день. Эх, разделил бы я с ними зрелище, да занят был – боровам в бисере кивал. Они носы сморщили, пальчиками погрозили, под белы рученьки великанов подхватили и пропали, что твои черти. Балда рот кривил, за щёку держась.

– Disparatado, – ох, каюсь, другое хотел я сказать, да сдержался: знал Балда немного и мой язык, мог и выкинуть что-нибудь, и я настрочил: – Ты действительно думал, что остановишь их los обличительными речами?

– Ты действительно заключил союз с... – Балда кинул огненный взор в сторону проходящих мимо, – этими?

Глаза мои закатились, узрев с той стороны свет и огонь ада глупцов. Понизив голос, разъяснил я молодому да неопытному:

– Солгал я, понял? Иначе не отстали бы, инструменты б побили да отправили бы в катакомбы на собственных костях играть. А вампиры здесь сила, их боятся. Понял или нет?

– Ну да, сила, – лицо Балды выразило более «да ну», чем «ну да», но меня возрадовало, что зла он боле не держит. – Понял. Давай играть, что ли? Скоро совсем темно станет.

Я почуял взгляд и, увидев стоявшего неподалёку человека-слушателя, кивнул ему. Взял аккорд за своей пятиструн-

ной девице, эх, пусть в пляс идут дома, и разбрасывают камни, пусть о нас идёт молва вплоть до носа божества, но не далее – ибо свобода каждого заканчивается там, где начинается чей-то нос!

И запел я, эх, запел, так, что в катакомбах услышали:

Я – большой, жирный свин.

Пьявкой жру кровь из вас, мой сир.

Ничего не спасти:

Я сожру всё, что смогу всости!

Горожане, не будь дураками, остановились, про скалящиеся кости забыв, и ну хохотать! Ясно всякому, кто здесь жирный свин и почему он пьявка! А кому не ясно, пусть темноты дождётся, когда *estos* твари выйдут из замков да катакомб. У-у-у, *los bastardos*!

Какая-то женщина презрительно фыркнула: мол, поэзия ваша нижайшего уровня! И гордо так пошла, задком хилым вихляя, в лапы к мёртвым. Я ей вслед *sinhueso*⁶ показал, и горожане ну пуще прежнего хохотать!

Посмотри, вот мой дивный храм!

Ты думаешь, Бога? Да щас так воздам!

Посмотри, вот мой маленький дом

И слуг е...шу я прямо в нём!

Сорок пять комнат и туалет —

⁶ Язык (исп., разг)

Сворю ещё и скуплю белый свет!
Посмотри, а вот здесь я служу:
В носу ковыряю и жопой пержу.

Не то, чтобы я был сильно доволен тем, что у меня получилось, – лавры Гомера и не прельщали, так-то, – но песню я здесь и сейчас придумывал – и горожане сие знали – и для столь скорого на расправу сочинительства выходило весьма недурно.

Балтасар на миг отвернулся от горожан. Он заговорщицки улыбался, мол, Чичо, в высокую поэзию это не возьмут, так а я что? Для себя сочиняю, а? Para la [buena gente](#)⁷ сочиняю я, вон, стоят, ухмыляются, что твои коты. За подобные песни можно и отхватить – от тех же упырюг – но как сладок подъём духа в загнанном и убитом городе!

Ради этого стоит стоять здесь хоть десять лет каждый вечер.

Но что-то мешается мне:
Голова на плечах, ну а жопа в огне,
Наточите ножик:
Лучше всем без моей жирной рожи!

⁷ Для этих хороших людей (исп.)

2. Синий

Я открыл глаза, а песня ещё отдавалась эхом где-то внутри головы. Нет, не так – скорее эхо песни или воспоминание, или настроение. Или не было никакой музыки, а было лишь бесконечное в кресло падение?

Я потряс головой и вдруг с ужасом понял, что лежу. Ответственный из меня пилот, нечего сказать.

Я попытался подняться.

– Но-но, – сказали мне. Я повернул голову; правый глаз заныл, но не сильно. Я вдруг понял, что отёк с него спал, и обрадовался.

Рядом со мной, боком ко мне был повёрнут стол. За ним сидел мой брат – звали его Фред, – и что-то деловито набирал на клавиатуре. Далее виднелись другие кушетки, перегородки, стеллажи и прочее такое.

Конечно, медблок.

– Резвый, – Фред насмешливо скривил губы; он всегда старался их как-нибудь перекрутить, ведь в обычном состоянии они, пухлые, были похожи на детские, и это его раздражало. От этих рож лицо у него всегда казалось презрительным. – Полежи немного. Я тебе блокатор обоняния вколол, так что ты пока без нюха.

– Как я здесь?..

– Старр притащил. Иккетно уроды, – Фред озлобленно за-

щёлкал по клавишам, – заголосили, что ты специально откосил, чтоб не работать. Старр, этот звёзднутый, предложил смену за тебя отстоять. Ага, чтобы дать повод Иккетно потом корить нас...

– Кто там сейчас?

– Второй наш.

Ну да, кому ещё в этой ситуации стать крайним? Надеюсь, он успел отдохнуть: после его дежурства прошли всего сутки.

– Блокаторы сам не пьешь.

Брат не спрашивал, а утверждал. Я молча кивнул. Фред даже не укорял меня: в конце концов, он сам видел мир и в ультрафиолете, и прекрасно понимал соблазн отказаться от нормализующих препаратов.

Я всё порывался отправиться в рубку. Фред дружелюбно прервал мои попытки самопожертвования:

– Потом поменяетесь. Отдыхай.

Но я, конечно, в лазарете не усидел. Фред отправлялся на празднование дня рождения кого-то из Иккетно, и я напросился с ним, пригрозив, что в противном случае пойду куда-нибудь сам, без его чуткого надзора.

В столовой девчонки украсили стены праздничными флажками с Земли, а на экран, занимавший почти всю стену, пустили видео с какого-то земного карнавала. Люди в головных уборах из огромнейших перьев били в барабаны и синхронно вскрикивали: «Оуа!». Столы уже накрыли (стан-

дартное праздничное меню № 1: питательные смеси со вкусом пирога, шампанское, водоросли под лжесырным соусом) и, видимо, достаточно давно – часть стаканов и порционных контейнеров уже перекочевала за стол, а часть – в мусорные контейнеры, стоявшие у входа. Я сразу понял, что праздник сегодня у Предатора – тот сидел за центральным столом, вещал, и его даже слушали.

Предатор носил очки – не те забавные штучки, что можно увидеть на носах землян в обучающих роликах, а большую прозрачную пластину, накрывавшую пол-лица. Существуют предания, что у людей, оставшихся на Земле, были когда-то линзы, надевавшиеся прямо на глаза, но синтезировать на нашем корабле необходимый материал мы не можем. Впрочем, это не беда: Предатор смотрелся в очках хорошо и знал это.

Фред поджал губы и отправился вперёд. Я, пока он не увидел, подхватил бокал с шампанским и проследовал за ним.

Мы поздравили Предатора. Не знаю, почему, но он нам очень обрадовался и пригласил за их стол. Парни потеснились, мы притащили стулья и сели. Когда Фред отворачивался, чтобы посмотреть на именинника, я быстро отхлёбывал шампанское.

– ...так я открыл её, – продолжал вещать Предатор, по обыкновению строгий и возвышенный. – Её, Вечную женственность. Я пронзил разумом пространство и понял её суть. Вечная женственность – это сила, подобная безуслов-

ной любви. Она оживляет мёртвую материю и заставляет её начать движение. В начале вселенной был лишь хаос веществ; но когда появилась вечная женственность, она стала приводить всё в порядок. И мир, желая ответить на это её стремление, начал совершать подвиги.

Я хихикнул, но, заметив, что больше никто не смеётся, отхлебнул из бокала.

– Откуда она появилась? – торжественно, будто говорилось о чём-то сакральном, спросили справа.

– Это тайна, – улыбнулся Предатор. – Как и явление всякой женщины в нашу жизнь. Она сохраняет нас в те минуты, когда не остаётся ничего. Это энергия извне, которая успокаивает и отрезвляет нас, позволяя остаться людьми. Она ведёт нас по истинному пути, пути жизни, оберегая от разрушения, и лишь благодаря ей наш корабль всё ещё пронзает пространство...

Я кашлянул и заговорил:

– А как ты это открыл-то? Я могу взглянуть ей в лицо?.. – Фред строго посмотрел на меня, на бокал в моей руке, молча забрал его и куда-то унёс. Я продолжил: – Подтвердить эмпирически.

– Она находится в непостижимых пока измерениях, – добродушно улыбнулся Предатор. – И лица в обыденном смысле у неё нет.

– А что есть? Что есть, кроме твоей скуки и желания романтизировать законы механики и стойкость наших нервных

систем? Я понимаю, наука кажется пресной, когда сидишь на корабле всю свою жизнь. Но ты докажи мне, что она существует, и я с удовольствием буду говорить то же самое! – пока я распинался, вернулся Фред, поставил передо мной бокал и сел на место. Я автоматически взял и отхлебнул. Минералка, конечно. – Вечная женственная – плод твоей фантазии и прочего такого. Космос равнодушен и холоден, и никто нас не оберегает, кроме нашей собственной порядочности.

– Ты ещё поймёшь, – Предатор продолжал добродушно улыбаться. Ну конечно, он знал меня как облупленного, и знал, что я выскажусь на эту скользкую тему. – Ты ещё поймёшь, когда вера, живущая внутри тебя, заговорит.

– Внутри меня нет никакой Веры. Конечно, если это не глист, – возразил я, и несколько человек усмехнулось.

– А что ты споришь? Может, тебя вечная мужественность привлекает? – хихикнул Индиго и потрянул копной волос.

– Ага, голубые в колонизаторской миссии. Очень логично.

– А что ты смеёшься? Вон Старр в тебя влюблён, – безжалостно произнёс Индиго. Была у него такая неприятная черта: то ли вываливать вот так при всех правду, которую человек хотел бы скрыть, то ли вовсе придумывать о нём пачкающие репутацию вещи. Предатор медленно произнёс: «Кхм-кхм», привлекая моё внимание, и, дождавшись моего взгляда, возвёл глаза к потолку.

Впрочем, никто бы и никогда не стал порицать Индиго в открытую: всё-таки это был собеседник приятный и обая-

тельный, а также – товарищ, всегда готовый прийти на помощь. Вот и сейчас он улыбнулся, и все находившиеся за столом тут же расслабились. Но отвечать что-то было нужно, и я сказал:

– Это его выбор, хоть и очень глупый. Мы все здесь, чтобы заселить иные миры.

– Это не выбор, – возразил Индиго. – Они такими рождаются.

– Это выбор, Индиго. При отборе на корабль первых космонавтов тестировали, выбирая генетически самых здоровых и совместимых. У нас не может быть людей с физическими отклонениями вроде этого или, допустим, шизофрении.

– Но мутантов у нас много!

– Ты хочешь сказать, ты сам не проходил в детстве генетическую экспертизу? Никто здесь не проходил?

– Всё, парни, хватит, – прервал нас Предатор. – Это не та тема, которую приятно обсудить в тёплой дружеской компании за столом. Позвольте, лучше я расскажу вам...

Не успел он сам договорить, как пол и стены сотрясла дрожь. Экран, только что вспыхивавший земными фейерверками, залился синим и замер, точно мы погрузились под воду. Мы с Фредом переглянулись. Он поднял руку и, командовав в браслет: «Телефон!» начал куда-то звонить, а я первым делом бросился в рубку. Эн попыталась преградить мне дорогу, что-то спрашивая или возмущаясь, а может, да-

же пытаюсь приказать, но я схватил сестру за запястье и поволок за собой – сам не знаю зачем.

Мы поднялись в рубку на лифте, и, едва двери открылись, я отпустил Эн и кинулся к пилоту. Тот смотрел прямо перед собой, откинувшись на спину кресла, и на окрики не реагировал. Я прижал пальцы к его шее – тишина; тогда я отшвырнул его вместе с креслом куда-то назад и лихорадочно оглядел экраны приборов.

Старый курс перерезало большое облако Т-излучения. Курс писал ещё я. Мы успешно двигаемся к середине облака, сжигая защитные поля корабля. Видимо, корабль давно без управления.

Я начал исправлять курс и очнулся лишь, когда показатели опасности – я не буду вам тут расписывать, это не имеет к повествованию никакого отношения, – опустились на десять процентов. Мы выходили из облака, так и не встретившись с его ядром; дальше автоматика должна была справиться сама, но желательно было за ней приглядывать.

Я вспомнил о пилоте и подошёл к нему. Он по-прежнему сидел в кресле; над ним суетились Эн, Фред, Индиго и другие.

– Как он? – спросил я.

– Не понимаю, – тихо ответила Эн, отдёргивая от него руки. – Он... как будто мёртв, но этого не может быть. Я видела его показатели, он здоров.

Фред знаком приказал всем расступиться и покатил крес-

ло с телом к лифту.

Интермедиа 2

Давным-давно. Это было давным-давно.

Но Мальчик надолго запомнил, как холод сменился теплом, темнота улицы – светом дома. Незнакомец, представившийся невразумительным именем (дон Миктланос?) отвёл его в крохотную комнату, затем ушёл и вернулся с крохотной одежкой: рубашкой и штанами.

«Примерь», – сказал он, не разжимая рта. Мальчик надел одежду – и она оказалась впору.

Когда он вышел, на столе уже стояла еда: каша.

«Ешь», – снова беззвучно сказал мужчина. Мальчик сел за стол, взял в руки ложку и начал уничтожать содержимое тарелки. Незнакомец подошёл, зачем-то поднял его руку за запястье и придиричиво оглядел её.

«Слабоват», – донеслось до Мальчика.

Тому сделалось жутко: вспомнились все страшные сказки о ведьмах, заманивающих детей в пряничные дома для того, чтобы съесть. Но вряд ли бы ведьма сказала «слабоват», она бы имела в виду «тощеват», да?

«Не бойся», – сказал Миктланос с укором, и Мальчик со стыдом понял, что тот слышал все его мысли. «Ты же мужчина. Ты должен уметь постоять за себя. И зачем мне бы тебя есть?»

Мальчик посмотрел на себя; на одежду на себе.

«У меня есть ученики. Это одежда одного из них. Скажи, Мальчик – ты бы хотел стать моим учеником?»

– Чтобы научиться чревовещать, как вы?

«Тише. Они спят. Да: и это тоже»

– Я хочу домой, – прошептал Мальчик.

Незнакомец сцепил кисти рук в замок, но не сводил взгляда с Мальчика.

«Ты можешь либо идти в деревню, либо остаться у меня. Я не могу отправить тебя домой»

– Но вы же сказали, что я слабоват!

Незнакомец *посмотрел* на Мальчика, и тот затих. В голове возникло лишь одно слово:

«Исправим».

Так Мальчик обрёл Учителя.

3. Вода

Ай, вот работа кормящая – в шахте киркой махать! Да в городе, полном упырей, опасная и неблагодарная: кровь высосут, во тьме напав, аль все силы досуха вычерпают, через указы да приказы, ибо никто не ценит труд простого человека меньше, чем мертвец. Вот и нет здесь добытчиков, хоть и родит земля камень да металлы. Все граждане – ремесленники, los profesores и торговцы, так-то. Но упыри на уме себе, с сёл да других городов людей обещаниями заманивают, а слову вразумляющему странники нечасто доверяют, а как до головы-то правда дойдёт, так и поздно становится: вот что надежда да морковка, перед носом красующаяся, делают.

Впрочем, что я, что Чичо? Все там будем, все об этом помним. Как сказал старина Хименес:

Y yo me iré; y estaré solo, sin hogar, sin árbol
verde, sin pozo blanco,
sin cielo azul y placido...
Y se quedaran los pájaros cantando.⁸

⁸ И я пойду; и я буду один, без дома, без леса зелёного, без колодца белого, без неба голубого и мирного... и останутся птицы петь. (Хуан Рамон Хименес)

Ах! Adios⁹, старина. Dejemos la triste charla¹⁰. Так вот и идёшь, ноги еле волочишь, а то вдруг гитару крутобокую хватать и мчишь петь, что твой школяр. Хотя иные школярами остаются всю жизнь, с этим Чичо согласится, да.

Добрался я до места, сомбрер на пол положил – монет, мол, жду, люди добрые! – и стал наигрывать. Да людей сегодня бродило совсем уж мало, а кто был, к стенам жались да смотрели глазами круглыми. Когда Балда притащился, прижимая к себе за талию одетую в футляр скрипку, я молвил:

– Народ сегодня пугливый. Разойдёмся по-хорошему?

– А что расходиться, пока никто не видит? – отвечал Балда и икнул. Уселся прямо на пол и начал тщательно настраивать да облизывать скрипку свою. Движения его были до перебора точными, как у всякого, кто под мухой ходит, и я прямо-таки заинтересовался:

– Это откуда ты таким красавцем пришёл?

– День рожденья у одного в коммуне, – Балда снова кивнул и уточнил: – Второй день. Давай с нами, я приглашаю, как отыграем!

– А что б и нет? Айда! Долго не сыграем, вода с небес вот-вот польётся.

Балда повеселел и запиликал суетливее. Облака кидались на Санта-Марию бесчисленными полчищами, ползли скрыт-

⁹ Прощай!

¹⁰ Оставим пустые разговоры.

но, над самой землёй. Храбрая Мария дырявила их, величаво выплывая из тумана; а облака прыгали и вновь скрывали её за собой. Рядом с нами постанавливались зрители-слушатели, и я, на них не глядя, гаркнул:

– Проходимте по делам! Не выступаем ещё!

Но остановившиеся молчали, как за гробом, и я – *la cabeza vacía*¹¹ – только и поднял глаза. Как увидел их, так и подумал: ай, дурак, надо было сразу на предложение Балды бежать – бить теперь будут!

Прошлоразовые бисерные это пришли, и, судя по лбам сморщенным да губам в струну сжатым, пришли с намерениями угостить нас пудовыми кулаками. Но надежда не растаяла в воздухе туманном, и я воскликнул:

– Друзья!

Я толкнул ногой сидевшего блаженно в обнимочку со скрипочкой Балтасара, он ошалело поднял глаза и протрезвел мгновенно; а я продолжал:

– Пришли, дабы обменяться песнями?

– Добрый вечер и тебе, музыкант, – сквозь зубья свои процедил один бисерный. – Ты соврал, и мы знаем это.

– Какого чёрта? – я разразился всей бранью, которую знал, руками размахивая и вознося их к небу. – Приходите в наш дом, *insultais*¹², обижаете, а какие ваши доказательства?

– Мы были у градоначальника, – второй бросил, что мо-

¹¹ Пустая голова (исп.)

¹² Оскорбляете (исп.)

нетой одарил.

– Это кто вас, малышатых, пустил? – продолжал я, в общем и целом ясно понимая, что место проиграно. Эх, вот и самое время ahogar las penas en vino¹³, но разве ж я могу остановиться, когда меня вот-вот с моего родного места прогонят? Хоть натешусь всласть напоследок. – Или же сами рассказываете китайские сказки?¹⁴ Нас обвиняете, а сами, а?

– Какое бесстыдство! – вскричал первый бисерный. – Нет, это совершенно отвратительно! Вы говорите о некоем покровительстве, но все это ложь, весь город это знает!

– Ага! – возопил я и вновь воздел руки к Санта-Марии. – Вот оно, ваше враньё, синьоры! Не были ни у града, ни у начальника, а вошли в таверну и спросили у забулдыги!

Первый смешался, очи долу опустив, и меня прямо радость взяла: прав оказался! Так и продолжил:

– Покайтесь, синьоры, ибо движимы жаждой и любовью к деньгам! Покайтесь и подите вон с Богом!

– Ты сам за деньги бьёшься, – процедил второй.

– По себе не меряй! – с искренней обидой возопил я. – Мне искусство дорого!

– Так и поди со своим искусством, не мешай деньги ловить тем, кому надо.

– Так сам и иди: надо мной упыри.

¹³ Залить горе (Дословно: «Утопить печали в вине») (исп.)

¹⁴ Дословный перевод *contáis un cuento chino*, что означает «рассказывать небывальщину».

– Нет над тобой вампиров, лгун.

Круг замкнулся. Мы продолжили браниться-копья слов ломать, Балтасар на ноги поднялся и дополнял мои словесные выпады своими обзывательствами-камушками. Здоровяки заскучили, хозяевами забытые, и я уверился, что это прочно: зевали здоровяки, то на стены, мхом покрытые, то на шпиль Марии поглядывая, животы облакам таки вспоровший. Закапали первые капли.

А потом второй бисерный о них вспомнил, и они выдвинулись, суставами хрустя. И тут, истинно рояль из машины, выскочил пухлый старичок и грозно голос свой поднял, точно меч:

– Вы, странные! Зачем музыкантов обижаете?

– Не обижаем, но делиться просим.

– А я слышу, обвиняете да гоните, – отрезал старичок. – Да что ж вы забулдыг спрашиваете, а меня, допустим, не спрашиваете? – и оскалился, а клыки у него – во! И все наружу. – Мои музыканты, – сказал он. – Я их сюда поставил, мне и убирать. Поняли, странные?

Да не слушали уже: здоровяки первыми припустили, что твои олени, а за ними и бисерные, трубами размахивая. Остались мы, глазами хлопающие, да старичок, который ножкой застенчиво брусчатку ковырнул.

– Слушаю вас каждый день, как под землю иду, – молвил, – очень нравится.

– Как нам отблагодарить вас? – спросил я. Вражда враж-

дой, но коли помог именно этот мертвяк – почему бы не ответить ему добром? Бальтасар заволновался, пятнами красными-белыми покрывался, но не сказал ничего.

– О, я не хотел бы вас беспокоить. Разве что маленькой просьбой. Видите ли, день рождения у меня, двести пять лет, плюс-минус ещё пять и полгода. Не могли бы вы мне спеть... поздравление? В вашем фирменном образе, само собой, – и упырь подмигнул нам.

– Вы не путаете? – подал голос, точно лапу, Балда, и старик покачал головой.

Мы переглянулись, дунули, плюнули – и начали.

С днем рожденья, милый друг,
Перепрожил ты всех вокруг,
И мгновений круговерть
Приближает твою смерть!

Старик захохотал, да так громко, что смех его к небу летел, от неба отскакивал да на людей рушился, оглядываться да останавливаться заставляя.

Вот тебе свечи, а вот тебе и торт,
Который ты конечно же не съешь:
Вокруг ведь столько голодных морд
Лучше их покормишь и попьёшь! А?
Ты старый алкоголик, с маразмом и с дерьмом,
Воняешь точно давний склочный труп.

И пожалуйста, точно ты тронулся умом:
Схватился за служанки потный круп! а?

Старик заплясал. Вот сколько раз в своей коротенькой, как самая нижняя из всех нижних юбок приличной женщины, жизни шутил – а сейчас не шучу! Идут люди, оглядываются, а старик почтенный колена выделяет, будто шут какой!

Вот и кости крошатся вдруг;
Так и стареют, милый друг.
Так вот же тебе пиво, чтоб дрыхлось без забот:
Все гуляем – ты прожил ещё год!

С днем рожденья, милый друг,
Перепрожил ты всех вокруг,
И мгновений круговерть
Приближает твою смерть!

Все, кто дела оставил да остановился нас послушать, хотали. Радостней всех, вопреки обыкновению и повадкам, присущим родичам, хлопал себя по ляжкам и бокам да хотал благообразный упырь, и кричал:

– Вы слышите, слышите? Это про меня! Мне поздравление! Мне с днём рождения! – и подпевал: – «И мгновений круговерть приближает твою... СЛАДКУЮ! смерть!...»

3. Квинтэссенция

Я плыл сквозь вечную пустоту.

Я знаю, учёные говорят, что космос – никакая не пустота, а целые поля волн, мельчайших частиц. Но если я не натыкаюсь на пространство при движении – не значит ли, что оно для меня пустое? Я полагаю, что дело обстоит именно так, иначе бы я и с места сдвинуться не мог.

Астероиды, выстроившиеся вокруг толстой звезды, – другое дело. С ними я могу столкнуться, а значит, пространство больше не пустое и я должен быть осторожным. Я включил защитный режим и уделил больше внимания маневрам (как говаривал старпом: «прокачал скилл ловкости»).

Они двигались в потоке – против меня – и в то же время гармонично, сосуществуя, точно толпа на переходе, и я, продвигаясь сквозь, лавировал, то чуть вставая боком, то меняя траекторию, толпа двигалась, иногда кто-нибудь в последний момент уходил с моего пути – сбавывало защитное поле, но слишком полагаться на него не стоило: одно тело оно отбросит, а десять – нет. Я работал слаженно, как бы забыв о себе и даже о них, и думал только о грузе, который я вёз внутри – бесценном грузе, который нужно было, просто необходимо донести до людей. Содержимое, бездонно важное. Квинтэссенция. Может быть, без него проживут, а мою смерть не узнают, но мне, как каждому кораблю, кажется

ся, что именно моё содержимое – нужное, и в чём-то каждый из нас прав: ведь не станут же сквозь пропасть без дна, стен и крыши посылать кого-то, чтобы принёс что-то неважное или ненужное?

Я бережно нёс содержимое внутри, а астероиды вокруг расходились, сходились, распадались, исчезали, шли своим потоком, а потом всё кончилось, и я опять остался в пустоте.

Нормально ли это? То есть – нормально ли, что кто-то вроде меня задумывается обо всём этом? Хотя – что такое вообще норма? Норма, подсказывает мне мозг, есть некоторый диапазон значений, признанный наиболее подходящим. То есть если ты попадаешь в этот диапазон, всё хорошо. Но у некоторых маленьких людей, когда они начинают вырастать, появляются вопросы к этой норме и к тому, что они установлены людьми. Хотя, на мой взгляд, тут вопросов не должно быть, ведь если ты живёшь в обществе, организуемом людьми, ты подчиняешься тому, что лучше для всех, а не для тебя одного. То есть, о себе подумать тоже надо, но только в меру, в день рожденья и в рождество – в общем, не превышая норму. Ведь какие общества побеждали? Те, в которых их люди думали в первую очередь об окружающем, а не о себе. Все их люди. Поэтому в целях выживания общество может потребовать от человека исполнения некой нормы: не курить, или, допустим, не выгуливать домашних животных там, где этому будут не рады, или не допускать сухопутных крыс до нормальных кораблей.

Увы, но часть людей не очень умна – я в бытность работы с экипажем понял это очень хорошо. И некоторым нужно разжевать, зачем да почему. Командир никогда не мог найти для этого слов, кроме бранных, а я бы вот как объяснил: на физиологических примерах, которые должны быть наиболее доступны любому.

«Вот, допустим, стоит сотрудник на взлётной полосе и вдруг понимает, что всё. Схватило и не отпустит. А до туалета далеко – десять минут езды. Уже не добежать. Ну, что делать: идёшь и где-нибудь в полутьме за углом делаешь своё чёрное дело. Ты умный, ты один раз так сделал и больше никогда не будешь, потому что понимаешь всю «прелесть» поступка. А глупые не поймут. Они увидят и будут ходить испражняться по-маленькому в тот же угол, а кто-то и по-большому там начнёт. Вот прямо с корабля сойдут и начнут. Не потому, что дотерпеть до дома нет возможности, а потому, что так удобнее, понимаешь? А потом и прямо посреди полосы начнут.

Что станет с углом и с улицей, ясно – там находиться будет нереально. Грязь, распространение болезней. В целом для общества плохо? Плохо. Так лучше ввести норму «не испражняться на улицах», чем каждому объяснять, что нормы имеют размытый характер, тут нельзя, тут исключение, тут вообще тебя не касается...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.